М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

ИЗ ДОКЛАДА НА СОВЕЩАНИИ
ПРИ ОТДЕЛЕ ПЕЧАТИ ЦК РКП (б)
7 ОКТЯБРЯ С. Г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

„Пров 38“

5122
25

Ленгиз № 11713
Ленинградский Гублит № 1674
21/4 л. Отпеч. 10.000 экз.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА.

Я не вижу надобности говорить вообще о революции 1905 г., о последовательности ее событий и т. д. Можно считать, что присутствующим товарищам все это известно. Я хотел бы сказать несколько слов по поводу смысла и значения для нас 1905 г., вспомнить тогдашнюю революцию при свете того опыта, который получили мы в последнее время, и тех исследований, которые мы в это последнее время произвели. При свете всех этих фактов, и пережитых нами и извлеченных нами из прошлого, из архивов, первая революция представляется нам теперь в более отчетливых тонах, чем это было ранее, даже немного ранее.

Историком первой революции мне приходится выступать далеко не в первый раз. В 1908 г. фракция большевиков поставила вопрос об издании в двух томах истории революции 1905 г., написанной доступным для рабочих и крестьян языком. Это был бы как бы ответ на меньшевистский «пятитомник». В то время я был отрезан от нашего центра — я жил в Финляндии. Там я получил письмо Владимира Ильича по этому поводу. Письмо это к величайшему моему огорчению застряло за границей вместе с моей библиотекой, о судьбе которой ничего утешительного до сих пор я узнать не мог. Вместе со всеми моими кни-

гами обретается в неизвестности и это письмо Владимира Ильича, в особенности интересное теперь, когда поставлен вопрос о Ленине как историке.

Владимир Ильич ставил в письме вехи этой предполагаемой истории и указывал задачи, возлагаемые на нее. В ответ на это письмо в 1909 г., уже в Париже, я составил план проектировавшегося «двухтомника». Должен сознаться, что одобрения Ленина этот проект не получил, и правильно. В этом проекте развивались две мысли: первая вовсе не была в те дни лично моей и состояла в том, что всякий общественный класс делает свою революцию, — поэтому пролетариат может делать только социалистическую революцию. Эта мысль была довольно распространена в т е дни среди нас. Ее высказывал, например, Дубровинский (Иннокентий), и с его слов, как его «цитата», она была воспроизведена в «Коммунистическом Интернационале» в 1920 или 1921 году.

Вторая мысль этого неосуществившегося плана заключалась в том, что русская революция может иметь успех только как революция социалистическая Мысль эта связана с первой мыслью. Я не говорил, что у нас н е в о з м о ж н а буржуазная революция, но предсказывал, что она заранее о б р е ч е н а н а н е у с п е х, потому что, казалось мне, все пары буржуазной революции выпущены у нас уже в 1905 г... Февраль 1917 г. не оправдал этого моего утверждения. Да и первое мое утверждение, что революция, во главе которой идет пролетариат, может быть лишь социалистической революцией, не понравилась Владимиру Ильичу. Дискуссии по этому поводу не состоялось, наступили партийные осложнения другого рода, и спор перешел в другую плоскость. Больше мы с Владимиром Ильичем на эту тему, о революции 1905 г., не переписывались.

Редактором и автором этой истории в 1908 г. мне быть не удалось, но стремление понять революцию 1905 г. с тех

пор не оставляло меня. Я не мог не пересматривать тогдашних моих мыслей. Иногда мне казалось, что я был прав, что Ильич ошибался, иногда обратно. Постепенно я пришел к тому пониманию, какое у меня есть теперь. Коротко должен сказать, что я твердо стою теперь на позиции, которая мне кажется вполне ленинской, — что революция 1905 г. была чисто буржуазная, хотя ее и вел пролетариат, потому что, по существу, пролетариат в 1905 г. имел перед собой задачи буржуазной революции, а не социалистической. Пролетариат делал революцию буржуазную, не в силу искусственного «воздержания», о котором с иронией говорил т. Троцкий, а в силу необходимости, вынуждаемый к тому объективной обстановкой, в какой происходила революция.

Позвольте теперь эту мысль не столько развить — на это одного часа мало, — сколько иллюстрировать конкретными фактами, чтобы она была для вас более наглядной.

Всякое большое событие, будет ли это война или революция, имеет, во-первых, свой формальный повод, или ту группу явлений, тот конфликт, который непосредственно развязал революцию или войну. Во-вторых, оно имеет свой реальный повод, ту непосредственную группировку интересов, которая определила начало кризиса, и, наконец, ту первооснову, без которой этого кризиса не могло бы быть вовсе, — то, что можно назвать его причиной.

Формальным поводом для революции 1905 г. явилась русско-японская война. Если бы этой войны не было, то революция, конечно, произошла бы, но имела бы внешний вид иной, чем тот, какой она получила. Как без убийства Франца Фердинанда война империалистическая все равно разразилась бы, но совершенно иначе. Той внешней формы войны, которая была, не было бы без убийства Франца Фердинанда. Точно также наша революция 1905 г. была бы иной без русско-японской войны.

И вот, уже вопрос об японской войне подводит нас к вопросу, социалистическая или только буржуазная революция начиналась у нас в 1905 г.? Потому что, если предположить, что революция была социалистическая, то мы должны предположить также, что русско-японская война была империалистической, что война 1904 — 1905 г. была первой империалистической войной, которую вела Россия, и что империализм в России уже тогда существовал. Приблизительно этот взгляд я и высказывал еще в лекциях, читавшихся года три назад и вошедших в мою книжку «Очерки революционного движения».

Я должен сказать, что тогда документы русско-японской войны мне были знакомы только в том их виде, в каком они существовали в печати плюс небольшое количество случайных архивных номеров, попавшихся мне под руку при беглом просмотре архивов. Но теперь, начав писать для нашего сборника, о котором я говорил вначале, [1] статьи о русско-японской войне, я погрузился в архивные документы уже целиком, и, говоря словами т. Калинина по другому поводу, «на меня поперло» не мужиком, а таким густым запахом торгового капитала, что русско-японская война предстала перед моими глазами, как, несомненно, последняя из торгово-капиталистических войн, ведшихся покойной «российской империей». Русско-японская война была для России чисто торгово-капиталистической и колониальной войной. Империализм существовал у нас тогда лишь в самых маленьких зачатках, и характер русско-японской войны определил не он.

По отношению к этой войне у нас была некоторая, если так можно выразиться, «агитационная аберрация», некоторое преломление точки зрения, получившееся благодаря чисто агитационному подходу к объяснению причин этой

---

[1] В виде вступления к докладу автор сделал сообщение о работах «литературной подкомиссии» по 1905 году.

войны. Объясняя войну, брали моменты, где виновником был Николай II и его шайка. А так как аппетиты этой шайки устремлялись на Корею, то Корея и оказывалась в центре всего конфликта. Конечно, Николай II был негодяем даже в большей степени, чем мы всегда думали, но все же война шла не из-за Кореи, а из-за Манчжурии, а еще шире и точнее говоря, из-за Китая. Это был конфликт России и Германии с одной стороны, с Японией, Англией и Соединенными Штатами, с другой. Документы это ставят вне всякого сомнения. Спор шел не из-за Кореи, или даже из-за северной ее части («концессий» на р. Ялу), а из-за Китая. Кому и с какого конца делить Китай? Захват Манчжурии был началом раздела Китая, и около этого все вертелось.

Когда вы узнаёте, что накануне объявления войны Токио ежедневно, больше того, ежечасно, сносилось с Вашингтоном, когда из опубликованных теперь писем Рузвельта, тогдашнего американского президента, вы узнаёте, что этот человек больше всего на свете боялся, как бы Россия и Япония не помирились, когда вы узнаёте, что Рузвельт только потому не заключил формального союза с Японией, что не желал делать большого шума (который как раз мог «спугнуть» Николая) и боялся встретить сопротивление в сенате, то вы начинаете понимать, где было настоящее «лицо войны». Участия Англии не приходится и доказывать — с 1902 г. Англия шла в открытую. А о роли Германии мы теперь знаем больше, чем нужно, из переписки Вильгельма с Николаем. Итак, конфликт был не из-за Кореи, куда тянули аппетиты Николая, а из-за Манчжурии, захват которой расценивался как начало раздела Китая. Зачем же лезла царская Россия в Манчжурию? Тут мы встречаем проект Куропаткина, который поддерживался Плеве,—завладеть северной Манчжурией как районом для будущей крестьянской колонизации. На Манчжурию смотрели, как на очень подходящее

место для заселения ее в будущем русскими крестьянами. Климат там не хуже, чем в южной Сибири, почва — почти чернозем. Куропаткин предавался подробным вычислениям насчет того, когда именно не только в «Европейской России», а и в Сибири станет «тесно». Выходило, что времени терять не следует. К этим планам Куропаткина очень сочувственно относился Плеве, который надеялся таким образом создать предохранительный клапан от крестьянской революции. Согласитесь, что такая задача под понятие и м п е р и а л и з м а совершенно не подходит. Непосредственно для целей Куропаткина-Плеве было бы совершенно достаточно северной Манчжурии, но, как совершенно правильно разъясняли их антагонисты из компании Витте, северная Манчжурия ничего не значила без южной, без выхода к морю, — в то же время воевать пришлось бы и из-за северной Манчжурии. Куропаткин был побит в споре, и решено было остаться в Манчжурии вообще.

Итак, выбросить русского крестьянина, эксплуатируемого торговым капиталом, за пределы Сибири, создать вне последней новый район торгово-капиталистической эксплуатации, — вот в чем была задача. Я сказал, что Витте был против этого плана в 1903 г., но характерно, что десятью годами ранее и Витте начал с проекта, чрезвычайно похожего. Мотивируя в 1890-х годах постройку сибирской дороги, он манил Николая перспективой громадного нового района крестьянской колонизации — страховки от безземелья и аграрной революции.

Как будто империалистическая нотка проглядывает у Витте при создании русско-китайского банка. Гегемония банкового капитала чрезвычайно показательна для империализма: но, читая проект образования банка, вы видите, что банк являлся исключительным торговым центром, должен был служить для того, чтобы, во-первых, помогать вывозу чая из Китая и, во-вторых, чтобы ввозить туда русские съестные припасы и керосин. Постройка железно-

дорожной сети в Китае рисовалась как дело отдаленного будущего. Если прибавить к этому, что непосредственно в «предъистории» войны русско-китайский банк играл совсем незаметную роль, и что капиталы в банке были не русские, а французские, мы поймем, что о русском империализме здесь говорить еще не приходится. Суть дела была не в банках. Правда, этот банк вносит что-то империалистическое, но это «что-то» не играет большой роли.

Таким образом, если возьмем в общей постановке русско-японскую войну, то мы не найдем здесь ничего, принципиально отличного от того, что происходило в Средней Азии, на Кавказе, всюду, где вел наступление русский торговый капитал, начиная с Северной войны при Петре I. Только там была борьба исключительно из-за торговых путей, в Средней Азии мы видим уже захват района эксплуатации, а теперь примешивается еще мотив создания района эксплуатации. Операции становятся сложнее и шире, но это операции того же типа. И чтобы связь с первоисточником нами не забылась, у самого порога войны выдвигается фигура Безобразова, типичнейшего авантюриста торгово-капиталистической эпохи, который так живо напоминает нам колониальную Голландию XVII века, охарактеризованную Марксом в главе о «первоначальном накоплении». На кого думали опираться Николай и Безобразов? На хунхузов, на китайских бандитов. Сначала я думал, что это просто штришок, но затем оказалось, что это целая система, один из китов, на которых стоит «безобразовщина». При помощи хунхузов Безобразов рассчитывал бороться с проникновением английского и американского капитала в Манчжурию. Мы их пустим, говорил он Куропаткину, пусть устраивают там свои «сеттлементы», но как только они устроятся, выступают на сцену хунхузы, поселения разрушаются, люди исчезают... Мы, русские, во всем этом не при чем. Действует туземная, китайская «оппозиционная сила» (так

именовал китайских разбойников наш неожиданный бакунист)...

Говорить об империализме тут не приходится. Это приемы XVII века, а не XX века. Японская война была последней в серии торгово-капиталистических колониальных войн России. Мы должны привыкать к мысли, что Россия, царская Россия, была великой колониальной державой, но империализмом в ней, в начале XX века, только чуть-чуть припахивало.

Переходим к «реальному поводу» революции 1905 г. Таким «реальным поводом», само собою разумеется, было рабочее движение. Детально останавливаться на этом вопросе нет надобности, — нет ничего в революции 1905 г., что было бы известнее, чем это. Я хочу только сообщить здесь то, что мне показалось наиболее характерным.

Рабочее движение, в частности 9-ое января 1905 г., развязало кризис и открыло русскую революцию. Чем же было вызвано само это рабочее движение? Лишь отчасти причинами чисто экономического характера. Если возьмем зарплату, как она развивалась, хотя бы у металлистов, то с 1901 по 1904 г. она повысилась номинально на 10,4%. А по отношению к максимуму понизилась на $1^1/_2$%. В то же время цены съестных припасов за тот же период времени поднялись несравненно больше — хлеб на 15%, мануфактура на 20%, керосин на 13% и т. д. Словом, повышение цен было гораздо значительнее, нежели повышение номинальной зарплаты. Но, как я уже говорил в своем докладе о 9 января в Комакадемии, было бы глубокой несправедливостью думать, что рабочие в 1905 г. дрались из-за «пятачка». Это характерно было только для наиболее отсталых слоев рабочих. Но что касается отсталых слоев, то, как это ни странно, в 1905 г. у нас бывали даже такие глухие уголки в провинции, бывали фабрики, где в 1905 г. вовсе не было забастовок. Это можно сказать про глухую провинцию. Другое дело рабочие Питера, они дрались не

за пятачок. Факт, который от нас традиционная буржуазная история скрывала, заключается в том, что рабочее движение в России несравненно старше, нежели мы представляем себе, а потому к 1905 г. рабочее движение было неизмеримо более зрелым, нежели нам это кажется.

Позвольте прочесть маленький отрывок из одного документа. Вот что там пишется: «Обращать особенно строгое и бдительное внимание на фабрики, заводы, мастерские и вообще на все те места, где находится большое количество рабочих... Иметь наблюдение за теми рабочими, которые оставили фабрики и заводы не по собственному желанию и, вообще, за всеми теми, кои оставили свои места по каким-либо неудовольствиям со своими хозяевами, так как рабочие эти легко могут возбуждать в среде своих товарищей на фабриках и заводах общее неудовольствие к хозяевам... Особенно тщательно наблюдать за тем, не ведутся ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими задельной плате, что плата эта по трудности работы их мала и что необходимо просить прибавки оной; нет ли в среде этих рабочих таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих, поселять между ними смуты, волнения, а затем производить беспорядки и общие стачки рабочих... Строго и бдительно наблюдать за сношениями с рабочими лиц подозрительных, выгнанных студентов, семинаристов, гимназистов и вообще молодых людей, обращающих на себя чем-либо внимание... Иметь также строгое наблюдение за сношениями с рабочими студентов С.-Петербургского Технологического Института, прибывающих на фабрики и заводы в летнее время для практических занятий».

Как вы думаете, когда это было написано? (Голос: в 1890-х годах).

На документе стоит дата: 14 июля 1870 г. Не только споры народников с марксистами были впереди, еще и департамента полиции не было — было знаменитое

«III Отделение», откуда и вышла прочитанная мною инструкция. В 1870 г. у нас уже было забастовочное движение, вызывавшее особое внимание самого царя. Когда арестовали забастовщиков на Невской бумагопрядильной фабрике, Александр II требовал быстрого и примерного их наказания. Тогдашний петербургский градоначальник Трепов обнадеживал его, что дело ведется быстро, следователю даны помощники, и обещал «немедленное наказание виновных». Александр против этого места написал: «Д а й б о г!» Но времена были еще «либеральные», и суд приговорил бастовавших всего-на-всего к аресту от 3 до 7 дней. Александр разочарованно написал на докладе: «В е с ь м а с л а б о!» А народнические публицисты в это время спорили, есть у нас «рабочий вопрос» или нет. Царь и его жандармы были куда практичнее.

К 1905 г. питерское рабочее движение считало уже 35 лет существования и должно было поэтому проявлять признаки достаточной зрелости. Взять хотя бы требования рабочих Балтийского завода, предъявленные 7-го января 1905 г. — буквально накануне начала революции.

«Для выяснения нужд забастовавших—совещание между выборной от самих рабочих депутацией и представителями администрации Балтийского завода. При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода. — Члены депутации должны быть обеспечены в личной неприкосновенности и впоследствии отнюдь не уволены от работы. — Общее решение должно считаться обязательным и вменено по всем мастерским завода за подписями администрации и старшего инспектора.—Никто не должен потерпеть от забастовки... — Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской и затем должна считаться обязательной. Что касается старых изделий, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании.—Отмена обыска,

дабы не осквернить человеческого достоинства. — Должна быть учреждена при Балтийском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе как с постановления этой комиссии... — Должны быть улучшены санитарные условия мастерских. — Возвратить право поступления на завод всех лиц, пострадавших от стачки три года тому назад. — Мастера, подмастерья, указатели и вообще вся администрация должна обязательно обращаться с рабочими как с людьми, но не как с вещью, и в разговоре лишних слов не употреблять, как это у нас принято. — Выдачу заработной платы производить в рабочее время. — Удалить Михаила Денисова, заведывающего набором чернорабочих с улицы, за грубое и дерзкое обращение с ними при найме».

Если коротко резюмировать эти требования, можно сказать, что балтийские рабочие добивались «фабричной конституции» — того режима, которого добивались и английские тред-юнионы XIX века. И тред-юнионам их достижения не свалились с неба — они завоевали их тяжелой политической борьбой. Это фантастическая идея, будто бы английские рабочие получили свой тред-юнионизм даром. Нет, они получили его в результате вековой ожесточенной борьбы. Но в обстановке английской полудемократии им для этого не понадобилось революции. У нас же предстояло завоевать еще предпосылки даже тред-юнионистской борьбы. В течение более, чем 30 лет, питерские рабочие постепенно пришли к мысли о необходимости прежде всего завоевать обстановку политической свободы, которая дала бы им возможность вести борьбу. Эта борьба за политическую свободу, несомненно, составляла основную пружину движения передовых русских рабочих 1905 г.

Рабочие в 1905 г. были поставлены в необходимость делать буржуазную революцию, потому что она не была сделана в свое время их предшественниками, городскими ремесленниками, как это было в Англии. Рабочему в 1905 г. приходилось этого только добиваться. Этим объясняется то сочувствие, с которым рабочие приняли известную «петицию» Гапона. Отдельных фраз этой петиции многие не понимали, но то, что там было в основе, требование политической свободы, выражало, несомненно, требование масс.

Перехожу теперь к «причине» первой нашей революции — к тому основному условию, без которого размеров в с е р о с с и й с к о й революции движение, вероятно, и не достигло бы. У Ленина в одном его произведении, изданном уже в по-октябрьский период, говорится, что революция 1905 г. была н е о б х о д и м а как к р е с т ь я н с к а я революция. Если взять эту мысль отдельно, то может показаться, что все другие стороны революции не являлись исторически необходимыми, т.-е. были исторической случайностью. Ленин, конечно, хотел сказать не это. Его мысль заключалась в том, что крестьянская революция была с т е р ж н е м революции 1905 г., что без аграрного вопроса и крестьянина у нас не было бы в этом году н а ц и о н а л ь н о й революции. Именно с этой точки зрения Ленин всегда так решительно восставал против мысли, будто буржуазной революции уже нечего делать в России — и остается, не теряя времени, итти к социалистической. Ка́к нечего делать, когда еще в 1917 г. перед таким остатком крепостничества, как земский начальник, мы стояли, как перед нерушимой стеной? Ка́к нечего делать, когда еще в 1917 г., в январе, крестьяне были особым «сословием», лишенным всех «особенных прав» состояния? Ка́к нечего делать, когда первая буква буржуазного развития деревни начиналась с уборки тех остатков феодализма, которые висели над этой деревней со всех сторон? Ка́к нечего делать, когда оставалось само-

державие, и, как мы теперь знаем, весьма настоящее самодержавие, очень далекое от «буржуазной монархии», которая была нужна меньшевикам? Много оставалось доделывать буржуазной революции еще в 1917 г., а в 1905 г. ее работа только-только начиналась.

С начала XVI по начало XX в. на нашей территории идет борьба двух типов хозяйства: мелкого крестьянского, которое являлось основным типом, с одной стороны, и помещичьего, крупного, с другой. И из этих двух типов один постоянно душил другой. В самом начале, в XIV — XV вв., мы встречаем эти два типа хозяйства переплетенными на всем пространстве русской территории: с одной стороны, крестьянский коллектив, «большую семью», с 15 — 30 работниками, с другой стороны, помещичий коллектив, барина с кучкой холопов. Такой коллективный характер вызывался техническими условиями тогдашнего сельского хозяйства, подсечным земледелием, которое невозможно вести руками одной маленькой семьи. Вырубить участок и приготовить, «выдрать» его под пашню — для этого требовалась г р у п п а работников, и группа довольно многолюдная.

И вот, постепенно, в течение XVI — XVII вв. крестьянский коллектив оттесняется на север, где вести хозяйство с какой-нибудь выгодой от него было совершенно невозможно. Остатки этого крестьянского «печища» мы и находим в Архангельской губернии, в районе совсем не земледельческом. Туда помещик не пошел, ему было это невыгодно. Во всей остальной России этот крестьянский коллектив был всячески затеснен помещичьим хозяйством. Помещик превратил этот крестьянский коллектив в ту русскую сельскую поземельную общину, о которой спорили народники с марксистами. Единственно, что осталось в этой общине от старой крестьянской коллективности, это круговая порука. Технический базис из-под этого коллектива давно вывалился — подсечное земледелие заменилось переложным и трехпольным.

В основе этой аграрной революции лежит появление рынка, в образе быстро росших крупных городских центров Московского государства — и, стало быть, переход к товарному хозяйству. Но все выгоды от этой революции достались на долю помещика, ставшего агентом быстро нарождавшегося торгового капитала по части выжимания прибавочного продукта из крестьян: в этом экономический смысл крепостного права. И вы воочию видите, как кривая развития русского торгового капитализма и кривая крестьянской крепости точно следуют изгибам одна другой. В XVI в. первая весна русского торгового капитала, перспектива наладить заграничный вывоз сырья через балтийские порты, быстрый рост городов дают резкий взлет кверху помещичьего хозяйства и резкое обострение крепостного права. Крах ливонской войны, вторичная неудача в соперничестве с торговым капиталом Польши и Швеции, в дни «смуты», закрепленная столбовским и деулинским мирами 1617 г., круто снижает кривую торгового капитализма — и дает вздохнуть крестьянину. Барская запашка опять оказывается в его руках, его надел с двух с половиной десятин доходит до 9 дес., барщина и денежный оброк снова сменяются оброком натуральным—словом, крестьянину дается передышка.

Но в начале следующего XVIII в. русский торговый капитал торжествует новую победу. Петр «пробил окно» в Европу, начался бешеный вывоз сырья за границу. Если принять вывоз хлеба в 1758 г. за сто, то в 1769 он будет равняться 958, т.-е. в десять лет вывоз увеличился в 10 раз. Эти огромные перспективы торговли сырьем сейчас же побуждают помещика нажать на своего врага — крестьянина. К этому времени относится знаменитая «интенсификация барщины», которая доходит до 5 — 6 дней в неделю. Пять, шесть дней в неделю помещик занимает крестьян на своем поле. К этому же времени относится и пугачевщина, которая уже окрашена буржуазными чер-

точками, поскольку крестьянин отстаивал свое самостоятельное крестьянское хозяйство и свое право самостоятельного выхода на рынок. Но в этом столкновении решающая победа осталась за помещиком, потому что он обладал лучшими техническими средствами борьбы, и крестьянин с ним справиться не мог.

Пугачевщина поставила надгробный памятник на этом раннем стремлении крестьянского хозяйства к самостоятельности. До середины XIX в. торговый капитал через помещика продолжал эксплуатировать барщинного крестьянина, высасывая из него последние соки. Кривая крестьянских побегов и волнений, кривая убийств помещиков в точности следует за изгибами кривой русского хлебного экспорта. Новая интенсификация в пределах барщины была уже немыслима — пришлось вызвать призрак «свободного труда», потеснив немного мелкого дворянина, торговавшего крестьянскими девушками и рекрутскими квитанциями. От этого дворянское землевладение стало еще более крупным, и контраст между ним и крестьянским хозяйством еще сильнее.

Но и у крестьянина увеличились теперь средства борьбы. Раньше крестьянин со своими товарами появлялся только на местных мелких рынках. Дальше их его товары не шли, потому что все средства крупного транспорта, включая и караваны крестьянских подвод, все это было в руках помещика. Но когда построили железные дороги, то оказалось, что где станция, там и рынок. Мужичок может свезти на станцию свой хлеб, сдать там его агенту по закупке хлеба, и помещик, к немалому своему изумлению, оказывался иногда в дурацком положении, оттесняемый на рынке крестьянским, более дешевым, хлебом. С этого момента конкуренция между помещиком и крестьянином начинается вплотную, между ними начинается борьба за рынок.

Вполне возможно, что уже к началу 80-х годов эта борьба начала бы переливаться в политическую плоскость — кри-

вая крестьянских волнений дает резкий скачок кверху именно в эти годы, и недаром Александру III пришлось начать с ряда уступок крестьянству, отмены подушных, обязательного выкупа; недаром был основан и крестьянский банк. Аграрный кризис 80-х годов, резкое падение цен на хлеб и на пшеницу в особенности, остановили на время развитие кризиса политического. Крупное хозяйство перестало быть «рентабельным», помещичий капитализм сменяется эксплуатацией остатков крепостного права. Помещики в первую половину 90-х годов забрасывают свою землю, отдают ее в аренду. К концу аграрного кризиса, к 1899 г., 49% помещичьих имений черноземной полосы не имели своего инвентаря, т.-е. обходились инвентарем крестьянским, как частенько бывало в XVIII веке; из 1570 «выдающихся» хозяйств, описанных Кауфманом, совсем не имели запашки 19%; сдавали землю в аренду — 26,3%; употребляли навозное удобрение (в черноземной полосе) — 37,8%, искусственное только 6,3%. Вот до какого положения спустился помещичий капитализм в конце XIX века после резкого падения цен на хлеб.[1]

За тот же период крестьяне буквально глотают помещичью землю. Если взять площадь купчей крестьянской земли в 1862 г. за 100, то через 10 лет, в 1872 г., мы имеем 126, в 1882 г. — 187, в 1892 г. — 285, в 1902 г. — 402, в 1905 г. — 405 и т. д. Отметьте резкий скачок в конце кризиса — с 285 до 402: так стала таять барская пашня уже до 1905 г. Но с конца 90-х годов начинается резкий рост хлебных цен на мировом рынке. Цены росли приблизительно в таком порядке: если мы 4-летие с 1893 по 1897 г. примем за 100, то для годов с 1898 по 1904 получим 128, а с 1905 по 1912 — 165. Так обстояло дело с мировыми ценами. К этому же времени, благодаря развитию русской

[1] Цифры, как и некоторые следующие, заимствованы из подготовляющейся в печать, в I томе «Коллективной истории 1905 г.» статьи тов. Гайстера.

промышленности, складывается внутренний рынок. Если в 1885 г. 63,1% всего хлеба экспортируется, а для внутреннего потребления грузится только 36,9%, то в 1900 вывоз поглощает уже только 53,2 всего хлеба, а для 1906 мы уже имеем 49,5% экспорта, а для внутреннего рынка остается 50,5%. Таким образом в 1905 г. хлеб больше поглощался внутренним рынком, чем вывозом. У помещика вновь создается могущественное побуждение для превращения в аграрного капиталиста, и уже его посевы начинают теснить крестьянские, напоминая этим весну русского хлебного вывоза, XVIII век, когда с половины всей пахоты крестьянские наделы спустились до $^1/_3$: за пятилетие 1896 — 1900 г.г. крестьянские посевы составляли 66,8% всей посевной площади, а за десятилетие 1901—1910 гг. уже только 65,3%. Противоречие становилось все более безвыходным, но на стороне помещика было самодержавие со всем его аппаратом, были его феодальные права: не опрокинув в с е г о этого, нельзя было крестьянскому хозяйству выбиться на простор. Тут выбора не было. Или поделить помещичью землю, «разгородить землю», или помещик задушит мелкое хозяйство и крестьянина превратит в батрака.

В основе нашей крестьянской революции лежит таким образом конфликт между мелким крестьянским и крупным помещичьим хозяйством, из которых первое было уже почти буржуазным, а второе оставалось в основе феодальным. Казалось, что в 1906 — 7 гг. одержало верх помещичье хозяйство, но Столыпину только на время удалось откупиться от окончательной ликвидации, и после новой войны, приведшей к революции 1917 г., земля, наконец, была «разгорожена». Феодализм дожил до социалистической республики, но зато та выкорчевала его дочиста, не оставив ни единого корешка.

Вот, товарищи, как мне рисуются те основные моменты и те основные факторы революции 1905 г., которые позво-

ляют мне сказать, в настоящем состоянии моего личного развития, что наша революция 1905 г. была в основе чисто буржуазной, или, как я предпочел бы сказать, «революцией эпохи промышленного капитала», а не социалистической, не революцией эпохи империализма, или, вернее, «эпохи финансового капитала». Я не думаю настаивать на этих «новых» терминах, я вообще не собирался сегодня говорить чего-нибудь «нового», но я считаю эти длинные термины более правильными, во-первых, потому что всякая великая революция включает в себя неизбежно социалистические моменты. Уже английская революция XVII века имела своих «диггеров» (уничтожавших символ «священной собственности», полевые межи) и свои коммунистические секты, — а французская и прямо кончилась Гракхом Бабефом. А, во-вторых, и этому нас учит произведенный нами выше маленький анализ, правильнее исходить не от идеологии того или другого класса, а от объективной обстановки. В одной обстановке происходит революция эпохи промышленного капитала (буржуазная), в другой—революция социалистическая. Объективной обстановки для этой последней в России 1905 г. еще не было. Финансовый капитал завоевал Россию как раз в промежутке между первой революцией и войной 1914 г. Это происходило так же быстро, как и вообще все завоевания капитала в России. Но перед 1905 г. это завоевание только начиналось — и нужна была опять-таки революция, чтобы оно прошло с такой быстротой. И только после завоевания России финансовым капиталом, с 1906 по 1914 г., стала возможна действительно социалистическая революция.

Ленин был прав, когда обрушивался на тех, кто говорил о социалистической революции в 1905 г. В 1905 г. пролетариат, шедший во главе движения, попытался «выдрать» землю из-под феодального леса,—сеять и жать на этой земле он стал в следующий период.

КТО ВЕЛ ДЕРЕВЕНСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1905 года?

Мы говорим всегда, что пролетариат был г е г е м о н о м, по-русски вождем, нашей первой революции 1905 г. Но как же это выражалось на деле, в конкретных формах? Только ли в том, что пролетариат и его партия дали лозунги этой революции? Или в том, что рабочий класс принес всего более жертв в борьбе против царского самодержавия, что ему принадлежат самые громкие дела тогдашней революции, — октябрьская забастовка, декабрьское вооруженное восстание? Революция тогда не удалась, говорят нам, потому, что не было настоящей с м ы ч к и между рабочим и крестьянином — они действовали врозь, дали разбить себя поодиночке, и на этом сыграл царизм. Это верно, такого стройного, почти нога в ногу, рабочего и крестьянского движения, как в 1917 г., за двенадцать лет раньше не было. Но неужели не было никаких элементов этой смычки, никаких ее зачатков?

Для того, чтобы не впасть в преувеличение, не принять надежд за действительность, не будем брать революционной печати того времени. Она могла увлекаться, ей утренняя заря могла показаться полднем, зарница — молнией. Возьмем источник, в своеобразном «беспристрастии» которого не может быть сомнения: губернаторские и жандармские донесения о крестьянских «беспорядках». Губернаторы

и жандармы очень скупы на объяснения этих последних. На одном донесении из Харьковской губернии мы читаем гневное замечание министра Дурново, что здесь говорится только о «бывших фактах», а о том, чем вызваны эти факты, — ни звука. Дурново хотел знать «виновников» для своих, полицейских целей; нам они нужны теперь, через 20 лет, как историкам, чтобы знать, кто же именно в е л деревенскую революцию 1905 г.

В губернаторских и жандармских донесениях мы найдем, заранее можно знать, очень скудный материал для ответа на этот вопрос. Но тем он ценнее. Если уж эти плохие наблюдатели увидали, значит, в глаза перло, — значит, нельзя было не увидать. На деле нужных нам фактов, наверное, было гораздо больше: чтобы дойти до истины, нам нужно будет не вычитать, а складывать, не делить, а множить. Возьмем при этом чисто крестьянские губернии — оставим в стороне, например, центральный промышленный район: там образчиков смычки сколько угодно, иногда полицейские донесения отмечают, что агитацию ведут в деревне рабочие с соседней фабрики, приходя ночью в деревню для агитационных целей, а к утру возвращаясь на свою фабрику. Но это естественно, если фабрика стоит в деревне, половина рабочих на этой фабрике — окрестные крестьяне, фабрика кормит деревню, и промышленность решительно господствует над сельским хозяйством. Возьмем губернии, где крестьянское движение было чисто аграрным движением, где внутренняя логика борьбы из-за земли доходила даже до полицейского сознания: даже полицейские понимали, что крестьяне в таких условиях не могут не бунтовать.

Вот что доносил орловский губернатор Балясный о причинах одного погрома в ноябре 1905 г., когда «толпа разгромила все, что было в доме, целыми остались только стены. Все окна уничтожены, вещи поломаны в куски, от столов, стульев, кроватей не осталось следов». «Причиной разгрома

усадьбы г-жи Набоковой были, по моему мнению, давние дурные отношения арендатора Кривошеина с крестьянами с. Дмитриевского. Сельцо Дмитриевское состоит из 180 домохозяев, имеющих 720 десятин надельной земли, которая находится в двух, далеко отстоящих друг от друга участках. Правильно вести обработку полей при таких условиях трудно, к тому же выпаса для скота у крестьян нет, они окружены землею помещицы Набоковой, которая уже более 30 лет не живет там, а сдает землю в аренду Кривошеину. Положение их крайне тяжелое. Они неоднократно обращались к владелице с просьбою продать им землю или сдать имение им в аренду. В 1900 г. сын владелицы Александр Иванович Набоков обещал им продать имение, но сделка не состоялась за его смертью. После этого помещица Набокова уехала в Швейцарию и передала доверенность присяжному поверенному Часовникову. Последний сначала обнадеживал крестьян, а затем вошел в соглашение с Кривошеиным и обманул их, сдав землю опять ему же, при чем даже скрывал от крестьян адрес Набоковой, дабы лишить их возможности обращаться непосредственно к ней. Кроме вопроса земельного, Кривошеин не любим крестьянами не только с. Дмитриевского, но и всех соседних селений, за его слишком строгое отношение к ним и грубое с ними обращение. Кулачная расправа с крестьянами применялась им постоянно. Все это озлобляло население против него, он получал анонимные угрозы, в имении его в последние пять лет были частые пожары, которые впрочем не были для него убыточны, благодаря высокому страхованию имущества. В 1905 г. снова снял имение в аренду Кривошеин, хотя крестьяне просили сдать землю им и предлагали более высокую, чем он, цену. Разгром имения г-жи Набоковой не был неожиданностью, почва для него была подготовлена самим же Кривошеиным гораздо раньше, хотя нельзя отрицать, что на крестьян несомненно оказали влияние примеры безнаказанных

погромов и грабежей усадеб в соседней Воронежской губернии».

Даже губернатор «революционной заразе» отводит, как видим, самое последнее и самое скромное место. Но, просматривая одно за другим полицейские донесения, мы видим, что «стихийные» выступления крестьян были подчас недурно организованы: по набату быстро собиралась толпа, не теряя времени, почти с механической точностью, громила, развозила и разносила имущество; когда появлялись стражники или казаки, все было кончено. Кто все это организовывал? Этого не могла не заметить даже и полиция. «Движение, несомненно, руководится извне, весьма скрытно и умело,—писал курский губернатор Борзенко,—крестьяне тщательно скрывают своих вожаков». Объяснение от «стихийности» крестьянской революции 1905 г. не лучше разговоров о стихийности «бессмысленного» пугачевского бунта. Там, мы знаем, организаторы были в лице главным образом дворовых людей — этой, по преимуществу, промышленной, ремесленной ячейки крепостной деревни. Кто сменил этих первобытных агитаторов через сто тридцать лет?

Сначала мы слышим только эхо этой новой силы. В Рязанской губернии, по словам ее тогдашнего начальства, источником волнений были, между прочим, «слухи, приносимые однодеревенцами, приходящими из городов, и в особенности из фабричных районов». В Льговском уезде, Курской губернии, «стало замечаться брожение, вызванное тревожными событиями в С.-Петербурге и забастовками рабочих во многих городах империи». Это было еще весною 1905 г. В то же время и в Воронежской губернии «толки и нервное настроение среди крестьян» вызывались «сведениями... о рабочем движении в Петербурге и других местностях». (Ср. донесение екатеринославского губернатора: «несомненно, стачки рабочих на железных дорогах и заводах отражаются на крестьянах»). 9 января всколыхнуло

не только город и промышленные районы — его толчок почувствовали и в черноземной глуши.

Здесь заалел еще только отраженный свет пролетарской революции. В других губерниях связь была прямее. В Калужской губернии сигналом к восстанию было «массовое возвращение крестьян с отхожих промыслов по случаю безработицы на юге и приостановки многих фабрик и заводов, а также по случаю всякого рода забастовок в Москве». Распропагандированный в городе рабочий, став безработным, нес пропаганду к себе, в родную деревню. То же было и в Симбирской (теперь Ульяновской) губернии, где «распространителями прокламаций» были «преимущественно местные же крестьяне, возвращающиеся с заработков из Самары и низовых приволжских городов». Почву, на которую падали эти прокламации, симбирский губернатор изображает так живо, что стоит выписать его характеристику целиком: «В Симбирской губернии, в том месте, где Волга делает крутой изгиб, подходя вплотную к Самаре, крестьянское население с издавна считалось неспокойным и очень восприимчивым ко всякому злонамеренному воздействию извне. Это объясняется, с одной стороны, тем, что среди крестьян, населяющих данную местность (носящую название «Самарской Луки»), еще слишком живы воспоминания про буйную волю времен Стеньки Разина и Пугачева, а с другой стороны, и тем обстоятельством, что, живя на самом ограниченном наделе, среди громадных владений графа Орлова-Давыдова, изобилующих нетронутыми лесами и богатейшими рыбными ловлями, крестьяне естественно с завистью смотрят на все это приволье и очень неохотно примиряются с необходимостью платить графу высокий, даже и по местным ценам, оброк — до 18 р. за хозяйственную десятину пахотной земли. Не имея совершенно своего леса, крестьяне, соседи графа, и в этом отношении вполне зависят от усмотрения управляющих графскими имениями. А между тем в местном темном кре-

стьянстве и до сих пор еще не исчезло убеждение, что «лес — божий».

В Черниговской губернии, в окрестностях разгромленного в 1905 г. хутора Терещенки, «неспокойное настроение крестьян села Сального, поддерживаемое пользовавшимся влиянием на крестьян местным крестьянином Евдокимом Кузьмичевым и его сыновьями, значительно обострилось в начале февраля 1905 г., после возвращения в село Сальное к тому времени с заработков на юге местного же крестьянина Лаухина и других, и перешло затем в брожение — крестьяне стали собираться на улице группами и вести беседу между собой».

Итак, возвращающийся из города, с заработков, крестьянин — вот первая, самая общая характеристика того приводного ремня, который связывал городскую революцию с деревенской. Это еще не непременно пролетарий, но связь с городом, с городским культурным миром тут уже на первом плане. В Моршанском уезде, Тамбовской губернии, «в деревне Шачи насчитывается 70 дворов, половина деревни молокане, половина православные. Молокане очень развиты, богаты. Они выписывают различного направления газеты, знакомы с сочинениями графа Толстого. Отыскивая себе заработков, побывали в разных городах России. Особенно в тесном общении находятся с гор. Тамбовом. У них часто перехватывались прокламации».

Тот грамотный дворовый человек, который когда-то организовывал пугачевщину, не вымер беспотомственно. Он теперь был уже не барский дворовый, но с биографией, напоминавшей его пугачевского предка, а самое главное,—он был грамотный. Выписывать все образчики этого типа, какие попадаются в наших документах, было бы длинно — их масса. Вот один типичный пример, относящийся к Буинскому уезду, Симбирской губернии,

где разгромили усадьбу помещика Теренина. Посланный на следствие «непременный член» доносил, между прочим: «Главными деятелями надлежит признать: 1) сельского писаря Петра Пашкова, дозволившего себе сочинение незаконного приговора, которому, как более грамотному односельцу крестьян, надлежало объяснить сходу неправильность его действий, 2) Алексея Михайлова Кузнецова, бывшего надзирателя казанской тюрьмы, хорошо грамотного, бывшего в Петербурге и служившего на железной дороге в Сухум-Кале, кончившего сельскую школу, 3) Ивана Сергеева Цыганова и 4) Николая Королева, кончившего сельскую школу. Эти четыре лица были инициаторами беспорядков в экономии Теренина».

Понемногу облик «возвращающегося с заработков» крестьянина становится конкретнее. В Карачевском уезде, Орловской губернии «возвращающиеся с шахт рабочие подговаривают делать то, что делается на заводах: «гоните управляющих — говорят они — и сами становитесь на их место, снимайте рабочих». В Дмитровском уезде той же губернии «возвратившиеся запасные чины и рабочие с шахт, пользуясь низким уровнем населения, волнуют его, вследствие чего настроение крестьян принимает иногда угрожающий характер». В Черниговской губернии «получены сведения от предводителя, от землевладельцев Суражского уезда, что возобновилось между крестьянами брожение, подстрекаемое возвратившимися с промыслов вооруженными шахтерами, которые ходят шайками, производят буйство». И это участие шахтеров дает любопытные отклики в технике крестьянского восстания. Из Бахмута 7 июля 1905 г. телеграфировали: «В деревне Червановка, Бахмутского уезда крестьяне сожгли в экономии землевладельца Васильева скотный двор с находившимся в нем скотом, сарай и водяную мельницу взорвали динамитом».

Как в дни пугачевщины крепостной горнорабочий, так теперь полукрепостной крестьянин-шахтер оказывается самым близким к деревне образчиком пролетарской революции. Недаром так ненавидели шахтера еще в 1918 г. белые генералы Краснов и Деникин. Было за что! «Низкий уровень населения» везде делал легкой спайку между всеми слоями трудящейся массы — вольно было генералам держать эту массу всюду на одинаковом «низком уровне». Но на шахтере, праправнуке уральского пугачевца, и здесь опять-таки дело не останавливалось. Понемногу все в тех же губернаторских донесениях вырастают перед нами одна за другой фигуры уже из квалифицированного пролетариата.

В Пронском уезде, Рязанской губернии, как доносил начальник жандармского управления в ноябре 1905 г., «расследованием установлено, что крестьяне действовали под влиянием приехавшего из Москвы фабричного мастерового из местных крестьян, Тимофея Комарова, рассказывавшего им, что нынче делать все можно, и земля принадлежит крестьянам». В Болховском уезде, Орловской губернии, «4 декабря в с. Супоневе в церковно-приходской школе состоялась сходка молодых жителей селений Супонева и Тимоновки, из них многие работают на Брянском заводе и в арсенале. На этой сходке рабочие Брянского арсенала Иван Богатырев и Андрей Галичев говорили о том, что не надо ни полиции ни настоящего правительства, что следует отбирать в пользу крестьян землю от владельцев, монастырей и церквей и казенные леса, податей не платить».

Последнее сообщение любопытно, помимо прочего, в том отношении, что устанавливает, какие слои и какие элементы деревенского населения оказывались наиболее восприимчивыми к революционной пропаганде. Прежде всего, это была молодежь. У теперешнего комсомола тоже были предки. В соседней Курской губернии, в Ново-

оскольском уезде, «бросалось в глаза преобладание крестьянской молодежи из местных крестьян и пришлых из соседних деревень. Эта крестьянская молодежь ходила по ярмарке небольшими группами, видимо слегка возбужденная. Собранные в с. Чернянку по случаю ярмарки 3 урядника и 7 стражников, для поддержания порядка, были на ярмарочной площади, наблюдая за этими группами. Около двух часов дня эти небольшие группы, соединившись, образовали значительную толпу близ лавки Найденова, шумя и придираясь к приказчику, а также угрожая подошедшей было полиции; затем толпа стала бить окна в аптеке еврея Ашмана и купца Маркова, а потом с криками: ура, свобода! направилась в усадьбу князя Касаткина, отстоящую от площади в расстоянии одной версты, при чем имение князя было разграблено, поджога же не было... В это время из Нового-Оскола прибыл исправник с казаками. Когда казаки проходили по площади, то из толпы раздались крики: бей казаков! и было произведено несколько выстрелов, которые никому не причинили вреда; казаки вынуждены были обнажить шашки, и толпа была рассеяна. Получив известие о том, что на хуторе князя Касаткина, главная усадьба которого была уже разграблена, идет грабеж и поджоги, исправник с казаками направился туда, но, прибыв, казаки встретили вооруженное сопротивление, и в них были произведены выстрелы, вследствие чего казаки дали по толпе залп, при чем было убито три крестьянина, и несколько человек ранено, хутор же крестьяне успели разграбить и поджечь».

Молодежь упоминается и в целом ряде других губернаторских донесений — исчерпать все указания этого рода, как и все указания на грамотных и бывалых крестьян, нет никакой возможности. Гораздо реже можно встретить указания на социальное положение тех, кто являлся руководителями восстания в самой деревне. Полицейский взгляд легче всего схватывал не-крестьянские

элементы — кроме рабочих, врачей, учителей, особенно учительниц, земских и железнодорожных служащих; раз попадается помещик — из последних могикан земского радикализма дней «Земли и Воли» — и довольно часто, чаще, чем ожидаешь, встречаются попы. Но крестьяне для губернатора были все на одно лицо, как негры для белых (и обратно). И очень редко дается характеристика крестьянского вождя, но, когда ее встречаешь, она любопытна. В Прилукском уезде, Полтавской губернии, успешно вел агитацию крестьянин Бонюх, проповедывавший, что «по высочайшему повелению все помещичьи земли должны перейти в руки крестьян». Об этом Бонюхе — едва ли партийном, судя по приемам его агитации — сообщается, что он «малограмотный, по ремеслу плотник», водил знакомство, именно по плотницким своим работам, с людьми явно неблагонадежными, и от них-то, по мнению полиции, и набрался революционных идей. В Черниговской губернии «в Михайловском хуторе Терещенка за два часа до погрома этого хутора какой-то человек говорил, обращаясь к группе крестьян: «...я не имею к у с к а з е м л и, а помещики имеют землю и живут себе вольно. Я сам первый начну разбивать и громить».

Это был таким образом деревенский пролетарий. Больше мы о нем, к сожалению, ничего не узнаем. Гораздо более определенную фигуру мы встречаем в Ардатовском уезде, Симбирской губернии. Здесь, в д. Малые Кузьминки, получившей в свое время «дарственный надел» — т.-е. пролетаризованной, фактически, в самый момент «освобождения» — «из членов схода особо выделялись как влиянием на сход, так и равно и отказом в понимании даваемых им непременным членом разъяснений и толкований закона Григорий Макаров Уляхин (механик-самоучка, живший в Петербурге — коновод), заявивший, что закон бестолков; Ефим Иванов Васягин и Василий Петров Киселев, говорившие, что не бог дал землю князю Куракину

(помещику) и доказывавшие право общества на получение дополнительного надела по недостатку дарственного».

Нет сомнения, что архивные документы других категорий — в особенности архивы судебных палат, разбиравших дела об аграрных волнениях, — дадут гораздо более богатую красками характеристику участников движения — об этом можно догадываться по опубликованным уже документам 1902 г. Но едва ли они опровергнут ту характеристику, какую можно составить на основании приведенных беглых примеров: пролетаризованные или полупролетаризованные крестьяне, ставшие городскими рабочими, несли революцию в деревню — их пролетаризованные или полупролетаризованные земляки, остававшиеся в деревне, были их первыми слушателями и последователями. За ними шла остальная крестьянская масса. Деревенская революция 1905 г. не была революцией «голытьбы», в смысле Бакунина, — в движении там и сям мы встречаем и зажиточных крестьян, один образчик мы уже видели выше, но ее организующим элементом была «беднота» в ленинском смысле, т.-е. полупролетарские слои деревни.

Через деревенский полупролетариат шла п о л и т и ч е с к а я смычка между двумя революциями, городской и деревенской. Не очень часты в наших источниках, но чрезвычайно характерны случаи, когда эта смычка стоит перед нами воочию — когда в аграрном движении рабочие и крестьянские массы действуют вместе. Случаи эти начинаются с лаконической телеграммы из Сум, от 12 июня 1905 г.: «В Лебединском уезде сожжены имения Харитоненко и предводителя дворянства Величко. Последний во время пожара ранен камнем в лицо. В Сумском уезде захвачены луга. Заводские рабочие Степановки и имения Харитоненко оказали сопротивление казакам, при чем было много пострадавших».

Тут крестьяне и рабочие действовали как составные элементы одного «комбината», имения Харитоненки, где

была пашня, был и завод. В соседнем Сумском уезде мы находим уже случай сложнее. Там вел агитацию крупный крестьянин, владелец 73 десятин, побывавший в Америке. Он «стал собирать к себе крестьян, говоря с ними о войне, о непригодности наших военно-начальников и вообще чиновников, о том, что в России есть масса земель казенных, удельных, монастырских и помещичьих; теперь, говорил он, именно такое время, когда можно заставить правительство дать им эти земли; несправедливо заставлять крестьян переселяться массами в Сибирь и другие места, тогда как можно было бы приказать уйти туда лишь нескольким богатым помещикам, и земли последних раздать тысячам крестьян». Но достигнуть этого зажиточный хуторянин хотел не революционными средствами, а путем петиции к Николаю II, на подобие Гапона. Он собирался ехать в Петербург подавать эту петицию и, хотя имел, конечно, полную возможность поехать на свой счет, стал собирать деньги на дорогу. Крестьяне на такое благое дело охотно давали, «при чем одни только мастеровые Степановского сахарного завода собрали с этою целью по подписке 100 рублей, которые передали Щербакову».

Эти рабочие свеклосахарного завода были, конечно, из тех же крестьян — жили их надеждами и мечтами, звание «мастеровых» еще не отрывало их от земли. К тому же движение, как я сказал уже, было еще не революционным. Но в Конотопском уезде, Черниговской губернии, мы имеем случай, где движение приобретает форму кооперации между крестьянами и рабочими железнодорожных мастерских — людьми, местной деревне, по всей вероятности, совсем чуждыми. Когда был арестован крестьянский вождь Василец, «население села Подлипного, узнав об аресте Васильца, ударило в набат на колокольне и собралось ко двору земского начальника Н. И. Константинова, с требованием освободить Васильца, в противном

случае они убьют его и разгромят всю усадьбу. Железнодорожные мастеровые и рабочие закрыли свои мастерские и ушли в село Подлипное, присоединились к собравшимся у двора Н. И. Константинова. «Узнав об этом, я,—доносит полицейский чин,—послал взвод казаков в с. Подлипное из города под командой младшего офицера, оставив один только взвод в городе с командиром роты; в это время явились ко мне уполномоченные от мастерских с просьбой освободить Васильца, в противном случае вторая смена мастеровых сейчас явится и разгромит тюрьму, таким образом мне пришлось избрать или пожертвовать жизнью и имуществом земского начальника, отозвав в город из Подлипного войска, или разгромом тюрьмы, так как один взвод пехоты не в состоянии ее отстоять. К тому же времени я получил от земского начальника письмо, с двумя доверенными от собравшейся толпы в с. Подлипном, с просьбой немедленно освободить Васильца и не арестовывать посланных. Я вынужден был отдать на поруки Васильца уполномоченным, с обязательством их по первому требованию суда или административных властей доставить его куда будет указано».

Едва ли можно сомневаться, что рабочие здесь выступали вполне сознательно. Но была ли сознательной смычка и со стороны крестьян? Тут нам приходится обратиться к любопытному документу, уже не входящему в серию губернаторских и жандармских донесений. 30 октября 1905 г. слобода Покровская, Самарской губернии, на волостном сходе избрала особую комиссию для составления наказа своему будущему представителю в Государственной Думе. Комиссия имела 10 публичных заседаний и в результате выработала наказ, где мы, между прочим, читаем: «выборному от крестьян нужно быть всегда заодно с выборным от фабричных рабочих в тех случаях, когда нужно требовать издания благоприятных для бедных людей законов».

«Бедные люди», назывались ли они крестьянами или рабочими, уже в 1905 г. привыкали не разделять своих интересов. Политический союз крестьянина и рабочего, о который разбилась белогвардейская реакция в 1918—1920 гг., уже в 1905 г. наметился вполне отчетливо. [1]

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

---

[1] Большая часть документального материала, использованного выше, взята из двухтомного сборника материалов по крестьянскому движению, подготовленного к печати С. Дубровским и Б. Граве и выходящего в свет к 20-летнему юбилею 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

К вопросу о значении революции 1905 года 3

Кто вел деревенскую революцию 1905 года 21